

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи...

Анна Ахматова

Глава 1

Таня Селиверстова тихо шла с работы, осторожно ступая бескаблучными ботинками по грязной тротуарной наледи, словно плыла лебедью в сиреневых и ветреных февральских сумерках. Таня Селиверстова была очень счастливым человеком. По крайней мере, так она сама про себя совершенно искренне полагала. А как же иначе? У нее, Тани Селиверстовой, собственность-недвижимость своя имелась? Да, имелась — однокомнатная квартирка-хрущевка в тихом спальном районе. А работа любимая у нее имелась? Да, и работой любимой ее судьба не обидела — Таня Селиверстова на сегодняшний день числилась самой лучшей хирургической сестрой в своей больнице. И даже более того — роскошная шуба из кусочков норки у Тани Селиверстовой имелась! То ли из лобиков дорогого зверька были эти кусочки, то ли из брюшек, то ли из других каких потаенных норковых местечек, она уже и не помнила.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Все одно — шуба шикарная. Перед новогодними праздниками Таня ее купила, ухнула на эту роскошь всю премию, завоеванную в честном бою, то есть в проводимом в их больнице ежегодном конкурсе медсестер. Все десять тысяч, полученных призом за первое место, и отвалила — бешеные просто деньги... Ну как, скажите, при таких обстоятельствах на судьбу жаловаться и не считать себя самым на свете счастливым человеком? Балует она ее, судьба-то, сыплет подарками, только руки подставляй...

Так вот и с квартирой, например, получилось. Именно ее выбрала к себе в сиделки бабушкина городская сестра тетя Клава. Детей у нее своих не было, здоровья тоже к старости не осталось никакого, вот она и приехала к ним в Селиверстово — жиличку-сиделку из многочисленных племянниц себе присмотреть. Ну, не за просто так, конечно, а все как полагается, с завещанием квартирным, с нотариусом...

Вообще, тетя Клава деревенскую свою родню никогда не привечала. Как уехала в молодости в город, так и не появилась в родных местах больше ни разу. Разное про нее в деревне говорили. Будто в городе, чтоб закрепиться, пришлось ей долго работать на производстве вредном и тяжелом, а потом и за вдовца престарелого замуж выскочить, молодостью своей

Третий ребенок Джейн Эйр

попуститься только ради этой вот квартиры, которая теперь Тане по завещанию досталась. Когда она в деревне вдруг появилась, бабушка Танина и не признала ее с ходу. А мать и вовсе в первый раз увидела. Совсем по-городскому эта тетя Клава выглядела — с короткой седой стрижкой, в брючном костюме, худая как палка. Это уж потом выяснилось, отчего она такая худая была, вроде как и не в породе их, в селиверстовскую, телом тяжеловесную. Просто болезнь ее точила, давно уже. И тело источила, и характер...

Почему тети-Клавин глаз тогда именно на Таню лег, никто и не понял. Старшие сестры Нина да Тамара уж так старались тете Клаве понравиться! Сильно им хотелось в город на жительство переехать. А Таня и не старалась вовсе. Наоборот, в сторонке все держалась. Она тогда только-только школу-восьмилетку деревенскую окончила и вроде как при деле была — с младшим Петькой нянчилась. Матери-то уже трудно было со всем хозяйством управляться, надорвалась она. Да и то, шутка ли в самом деле в сорок три года пятого ребенка родить... И все равно ее, незаметную Таню, тетя Клава выбрала. Сказала: «Самая она из всех вас, девки, для меня подходящая». Так вместе с ней Таня в город и уехала, в медучилище сразу же

ВЕРА КОЛОЧКОВА

поступила, как ей тетя Клава и присоветовала. И даже не присоветовала, а напрямиком ее туда направила — сказала: «Будешь потом по всем правилам меня обихаживать». Чтоб, мол, умела и укол поставить грамотно, и давление смерить, и обмыть-убрать утром, свою рожу не покрививши от отвращения...

Слегла тетя Клава как раз после того, как Таня окончила медучилище и на работу в больницу определилась. Подгадала словно. Хотя и грех так говорить — подгадала. Болезнь, она ж человека не спрашивает, когда на него окончательно напасть да свалить в постель с полной немощью. Вот тут уж пришлось Тане несладко. Целых семь лет свету белого не видела да ночь ото дня не отличала. Вьюном крутилась между домом и больницей. Подружки ее деревенские успели уж за это время замуж повыскакать да детей себе народить, а она с теткиними пеленками провозилась вместо ребячьих... Но все бы это ничего еще было, она к работе с детства привычная. С теткиним характером совладать она не могла, вот что ее огорчало. Уж как ни старалась, а той все плохо. Всю обиду на трудную жизнь да на свою немощь тетя Клава на Тане выместила. И чашки-плошки в нее летели, и проклятия всякие — лучше и не вспоминать. Да еще и с деньгами как-то надо было выкру-

Третий ребенок Джейн Эйр

чиваться — на лекарства их столько уходило, что ни теткинои пенсии, ни Таниной зарплаты, вместе сложенных, на те лекарства не хватало. А тетя Клава и слышать ни о чем таком не хотела. И лекарства требовала, и котлетки из телятинки рыночной. И все норовила жилплощадью упрекнуть да в жадности ее обличить. Мол, осчастливила я тебя, а ты...

Таня на нее ни разу не обиделась. Терпела. Да и то — как на больного человека обижаться? Тетка ведь не на нее сердилась, она на немощь свою сердилась. Но немощь, ее ведь перед глазами живьем не видно, а Таня — вот она, мелькает туда-сюда то с тарелками, то со шприцем, то с чистыми простынями-пеленками...

На тети-Клавины похороны съехалась вся деревенская родня. Таня в большие долги влезла, чтоб угощение поминальное справить. У всех подряд в больнице занимала, кто давал. Народу-то много понаехало, даже старую бабку Пелагею, младшую тети-Клавину сестру, привезли. А когда все расселись за столом плечом к плечу да выпили по первой за упокой тети-Клавиной души, мать Танина слово держать стала:

— Что ж, Татьяна, молодец ты у меня, ничего не скажу. Тянула ты свою обузу долго и честно, доходила тетю Клаву, тут греха на

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тебе никакого нету. И хоромы эти по праву твои теперь. А только знаешь ли, девка... — Мать строго взглянула из-под черного, повязанного до самых бровей платочка, вздохнула тяжко, будто извиняясь заранее, и продолжила сердито: — А только не жирно ли тебе будет одной тут барствовать, когда сестры-братья твои по углам ютятся? Мы вон в одном доме тремя семьями живем, по головам ходим... У Тamarки уж трое народилось, а дома своего так и нет. Вот мы и порешили тут, когда узнали о Клавдиной кончине, что переселим Тamarку с семьей в мамину избушку. Она хоть и неказиста, да все равно своя крыша над головой у них будет. А маму нашу, стало быть, к тебе...

Бабушка Пелагея, та самая «наша мама», тихо всхлипнула в застывшей над поминальным столом тишине, затеребила в коричневых жилистых пальцах мятый платок. Потом заголосила тоненько и робко, запищала тихим комариком на одной ноте, успевая проговаривать утробно:

— Лишили, ой лишили ироды родного угла на старости лет, лихоманка вас приберет... Всех на руках вынянчила, а теперь из родного угла выковырнули...

— Мама! Ну чего ты голосишь, ей-богу! — с досадой повернулась к бабке Танина мать. —

Третий ребенок Джейн Эйр

Куда это мы тебя выковырнули? Ты же не в чужих людях, ты с внучкой родной жить будешь! Да и самое место здесь тебе, если по совести... Хоромина-то эта не чья-нибудь, а сестры твоей! Да и лучше тебе здесь будет! Ни воды носить не надо, ни печку зимой топить...

— А девке что? Ты об ей, об Таньке-то, подумала? — слабо, будто боясь навлечь на себя еще большую досаду, проголосила бабка Пелагея. — Чего ж ей теперь, всю жизнь свою молодую на то потратить, чтоб за старухами ходить? И опнуться девке толком не дали...

— Ничего. Она и с тобой хорошо опнется, — вступила в разговор и сестра Тамара, стрельнув в Таню завистливым глазом. — Да и веселее ей будет. Все не одна. Правда, Таньк? А то живешь здесь ровно барыня...

За все три дня, пока суетились с похоронами да с поминальным столом, Тамара не подошла к младшей сестренке ни разу. Так, наблюдала за ней будто издали. И все примеривала к себе задумчиво Танино законное теперь жилье — то застывала надолго у окошка, скрутив бубликом дебелие, или, если выразаться по-городскому, целлюлитом попорченные руки, то в старом тети-Клавином кресле устраивалась поосновательнее да поудобнее плотным, некрасиво отвисшим к тридцати годам задом. Вот и полу-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чилось так, что обратилась она к ней за столом впервые. И даже несколько с вызовом — попробуй, мол, не ответь...

— Правда, Тамара. Конечно, правда. Веселее будет, — торопливо подтвердила Таня и часто закивала. — Конечно, пусть остается бабушка Пелагея...

И снова в наступившей тишине пробился писком слабенький бабкин вой, и снова, сердито шикнув, махнула в ее сторону ладонью Танина мать. А махнув, она тут же и вздохнула облегченно, и уселась на место, подвинув к себе поближе тарелку с городской копченой колбасой. Слава богу, можно теперь и поесть спокойно, раз вопрос решен. Все время поесть некогда. Одни только заботы с этими детьми. Пока всех пристроишь мало-мальски, рассуешь по освободившимся углам...

А Таня и впрямь не возражала против такого материнского решения. Понимала — трудно им там. Заработать негде, дом новый поставить не на что. Гибнет деревня, спивается от полной безнадеги... Тем более и противу самой бабушки Пелагеи как таковой она ничего плохого за душой не имела. Они с ней всегда хорошо ладили. И в баньке, бывало, вместе парились, и огород копали, и пряник какой лишней гостевой

Третий ребенок Джейн Эйр

бабка всегда для нее приберегала. Пусть живет. Не в тягость, а в радость.

Так бабка у нее на постоянное жительство и осталась. Уже полгода вместе живут. И хорошо живут, чего уж там. Она ее и в больнице своей подлечила немного, и заботится о ней от всей души. И балует, когда чем получится. И сейчас у нее в сумке пирожные для нее припасены. Эклеры. Страсть как бабка их полюбила, городские эклеры эти...

Вообще, бабка Пелагея очень быстро в городской жизни освоилась. И к еде новой быстро привыкла. И к благоустройству квартирному. Поначалу, правда, все старалась водой запастись — не верилось ей, что она с утра и до вечера из кранов бежать будет. А к унитазу сразу очень уважительно отнеслась. Очень одобрила: «Шибко умный горшок, дай бог здоровья тому человеку, который его придумал». А потом еще и подружек себе завела. Сидела с ними на скамеечке перед подъездом, со страстью обсуждала жизнь живущего в доме народа. А как же без этого? Она ж тоже человек, деревенская бабка Пелагея, и без обмена информацией, как и без хлеба насущного, запросто погибнуть может. И в деревне своей она все про всех знала. И про нее все и всё тоже знали. А народ, в доме проживающий, пусть

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и не обижаются. Подумаешь, посудачат немного бабки, помогут соседские косточки. Не котировки же валют да не новые цены за баррель им на скамеечке обсуждать...

В общем, жизнь общественная у бабки Пелагеи закипела ключом. И даже, как и полагается по всем естественным законам, разбился их маленький старушечий, но, как там ни смотри, все же коллектив на два противоположных лагеря. Одну его сторону составляли бабушки местные, в этом доме всю свою основную жизнь прожившие и в нем же и состарившиеся. Другую же сторону представляли бабушки приезжие, сердобольными детьми из других мест к себе на жительство да на достойное упокоение их уважаемой старости выписанные. И споры между этими лагерями разгорались нешуточные, иногда и до рукоприкладства почти дело доходило...

— ...Ты погляди-ка на эту Лизку, Танюха, погляди только! — возмущалась за вечерним чаем бабка Пелагея. — Говорит, будто я из жалости у тебя живу, а она будто в своем дому хозяйка! Да какая она хозяйка, если дочка ее ни в грош не ставит! Только и ждет того, чтоб померла побыстрее, чтоб комнатушку ее занять. Ну и что с того, что я из жалости? В жалость оно всегда лучше, чем в тягость...

Третий ребенок Джейн Эйр

— Да не слушай ты никого, бабушка Пелагея! — увещевала бабку совершенно искренне Таня. — Я очень даже рада, что ты со мной. Что мы, плохо живем, что ли? Да замечательно живем!

— И то, и то... — согласно кивала бабка. — А Лизка еще и на Макарьевну сегодня взъелась, которую Ивановы с пятого этажа из деревни перевезли. Говорит, будто перевезли ее вовсе не из-за немощи, а чтоб деньги за проданный дом себе прихватить...

— Да это она от зависти, бабушка, — махала рукой Таня, прихлебывая горячий чай из большой кружки. — Ивановы, они не такие. Они и без того дома хорошо обеспеченные. Просто им бабушку жалко, да и любят они ее.

— Таньк, а я-то тебе и впрямь не в тягость? А? Не лукавишь ли со мной, девка?

— Бабушка-а-а-а... — тянула возмущенно Таня и хмурила сердито белесые бровки. — Чего говоришь-то, сама не думаешь...

— Да ладно, Танюха... Верю я тебе, верю. На завтра-то чего тебе постряпать? Напеку-ка я пирогов с капустой, на работу с собой возьмешь...

Пирогами бабкиными она и впрямь все хирургическое отделение закормила. Получались они необыкновенно вкусными, бабка умела как-то по-своему, по-деревенски, тесто ста-